

Как две еврейки-лесбиянки пережили Холокост

Гертруда Стайн и Алиса Токлас, 1930-е

Я считаю, Гитлер заслуживает [нобелевской] премии мира за то, что устраняет все элементы соперничества и борьбы в Германии. Изгоняя евреев, а также демократические и левые элементы, он удаляет все, что подстрекает к подобным действиям.

Гертруда Стайн, 1934

Две еврейки, да еще лесбиянки, к тому же из Америки — они не должны были уцелеть в оккупированной нацистами Франции. Но Гертруде Стайн и ее подруге Алисе К. Токлас это удалось. Как? С этого вопроса начинается книга Джанет Малькольм — серьезное биографическое исследование, больше похожее на увлекательный роман.

У русского читателя имя Гертруды Стайн ассоциируется с парижской богемой

начала XX века и с известным портретом работы Пикассо. Писательницу-модернистку в наши дни никто не читает. Большинство помнит только ее цитату: «Роза есть роза есть роза». Да еще «потерянное поколение» — это тоже она придумала. Но главным творением Гертруды Стайн стали не книги, а ее бурная жизнь.

В течение почти всей первой половины XX века американка Гертруда Стайн притягивала к себе богему тогдашней столицы культурного мира. Ее друзьями были великие французы — Матисс, Ренуар, Сезанн, великие эмигранты — Пикассо и, разумеется, тысячи американцев — от Хемингуэя и Дос Пассоса до «пряничных мальчиков» — военных Первой и Второй мировых войн.

В биографии очень многое зависит от биографов. «Почти все, что мы знаем, — пишет Малькольм, — мы знаем в лучшем случае отчасти, и почти все, что нам говорят, меняется с каждым следующим пересказом».

Портрет Гертруды Стайн, Пабло Пикассо, 1905

Портрет кисти Феликса Валлотона, 1907

И биографию Алисы, и мемуары Гертруды Стайн автор считает попытками запутать читателя. Но при помощи постмодернистской деконструкции текстов критик помогает понять мотивы своей героини. Поразительна история

с поэмой, из которой Стайн по требованию подруги убрала все упоминания слова *may* (что по-английски означает месяц май или «возможно»). Не для того, чтобы улучшить поэму. Наоборот, от этого громоздкий и малопонятный текст стал еще труднее для восприятия. Но так — Мэй — звали женщину, с которой Гертруда жила до встречи с Алисой. Автор низвергает не только миф о гениальной и беззащитной Гертруде и Алисе, окружавшей ее заботой, но и другие мифы XX века.

Вопрос, с которого начинается книга, — как героини выжили во время Холокоста? — подразумевает прокурорское: «Почему уцелели?» Но вопрос этот оказывается провокационным лишь в современном нарративе о Холокосте. Множество американцев и британцев пережили Вторую мировую войну в странах с фашистским режимом, и даже в самой Германии. Лесбиянок нацисты не преследовали. Две состоятельные пожилые женщины в маленьком французском городке в 1940-е годы, — в их совместной жизни было гораздо меньше сексуального подтекста, чем представляется сегодня, в современной Америке, настолько озабоченной «семейными ценностями», что дискуссии об однополых браках становятся темой президентских выборов.

С еврейством Стайн еще сложнее. Ее космополитизм выглядит показным. В текстах писательницы встречаются слова на идише, понятные в Нью-Йорке, но совершенно неизвестные в «белой протестантской Америке». К тому же, писательница не видела смысла бежать из Франции. Она вспоминает, как в самый разгар депортаций ее адвокат предупредил о грозящей опасности и посоветовал, пока не поздно, покинуть Францию. «Мы посмотрели на наш большой дом, на преданных слуг, — пишет Стайн. — И подумали, что никуда не будем уезжать».

Объявление у входа в ресторан: «Евреи нежелательны», Париж, сентябрь 1940

Да и зачем? Гертруда принадлежала к большой группе европейских интеллектуалов-модернистов, симпатизировавших если не нацизму, то фашизму, как Маринетти в Италии или Селин во Франции. До Второй мировой войны многие интеллектуалы-евреи искренне верили в фашистские идеи и страстно желали победы этих идей. (Хотя вынесенную в эпиграф цитату Стайн многие воспринимают как иронию писательницы, — прим. ред.).

Все это непостижимо с точки зрения современных — и особенно американских — представлений о Холокосте. Но писательница действительно не скрывала своей поддержки фалангистов Франко в Испании, да и среди французских фашистов у нее было много почитателей.

Жизнь сложнее любых схем, и в последнее время появляется все больше историй о том, как фашистские главари, запятнавшие себя кровью невинных жертв, спасали и защищали «своих» евреев. Даже патологический антисемит Гитлер предложил еврею Имре Кальману — своему любимому композитору — стать «почетным арийцем».

Ангелом-хранителем двух женщин стал Бернар Фай — руководитель

Национальной библиотеки, утонченный интеллектual и ультраконсервативный католик. После войны он был приговорен к пожизненным каторжным работам за участие в уничтожении 500 франкмасонов. Автор обращается к малоизвестным мемуарам Фая, где он рассказал, как опекал женщин, «чтобы никто их не беспокоил, и чтобы всегда у них в достатке было угля для печки».

Бернар Фай

Парижанки-еврейки с желтой звездой на одежде, июнь 1942

Гертруда Стайн, возможно, и не знала, кому обязана покровительством. Зато знала Алиса Токлас. Она помогла бежавшему из тюрьмы в 1951 году Фаю, обеспечив его деньгами, — для этого пришлось продать принадлежавшие ей картины Пикассо. Позже она добивалась амнистии Фая. Рассуждения критиков книги о «ручных еврейках антисемита и фашиста-аппаратчика» и о том, что фашизму надо было сопротивляться всеми силами, возможно, верны в рамках современного восприятия Холокоста, но они не могут отразить сложности и полноты жизни.

Я намеренно погрешил перед истиной, когда назвал единственной известной фразой Гертруды Стайн ее слова о розе. Хрестоматийно как раз другое, предсмертное ее высказывание. В полуобморочном состоянии от уколов морфия, умирающая Гертруда спросила Алису о заключении врачей: «Какой ответ?». Алиса молчала. Гертруда усмехнулась и сказала: «Хорошо, тогда надо спросить: а какой вопрос?».

Оставленные без ответа вопросы, то, что предстоит спросить, — все это умело вплетено в повествование. Книга служит замечательным инструментом деконструкции, позволяющим понять мифологический характер многих хрестоматийных историй и канонических биографий. «Что мы делаем с фактами? — спрашивает Малькольм. — Мы ими занимаемся».

Михаэль Дорфман